

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Михайлович Дорошевич Десять лет (О Чехове)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=652925

Аннотация

«Десять лет тому назад, в этот день, в Художественном театре весь зал, поднявшись как один человек, стоя аплодировал горячо и восторженно. И только тому, к кому неслись эти аплодисменты, кричали: – Сядьте!.. сядьте!.. Антон Павлович Чехов был болен и слаб. Он не хотел этого чествования...»

Влас Михайлович Дорошевич Десять лет (*О Чехове*)

* * *

Десять лет тому назад, в этот день, в Художественном театре весь зал, поднявшись как один человек, стоя аплодировал горячо и восторженно. И только тому, к кому неслись эти аплодисменты, кричали:

– Сядьте!.. сядьте!..

Антон Павлович Чехов был болен и слаб.

Он не хотел этого чествования.

Он был скромнен в кругу самых близких друзей.

Если было три посторонних человека, – он становился застенчив.

Но его убедили.

Время было такое.

1904 год.

Надо было пользоваться каждым случаем произвести:

– Смотр силам.

Надо было объединить общество.

– Поднимать настроение.

Юбилей певца:

– Сумерек русской жизни – мог этому послужить. И человек, который у всякого знакомого спрашивал:

– Как вы думаете? У нас будет конституция? – и сам с уверенностью говоривший:

– У нас скоро будет конституция! – уступил.

– Меня вплоть до выхода на сцену все стерегли! – улыбаясь, говорил он. – Чтоб я, как Подколесин, через окно не удрал!

И состоялось:

– Первое и последнее в его жизни – чествование А.П. Чехова. Оно было горячо, восторженно, единодушно.

Но была разлита какая-то грусть.

Во всем.

На сцене стоял в сереньком пиджачке, такой простой, без всякой позы, милый человек. Еще молодой. Но с сединой. С лицом, покрытым мелкими морщинками. С ласковыми глазами. С немножко растерянной улыбкой.

На него смотрели с любовью.

Весь зал смотрел именно:

– С любовью. Словно:

– Спешили насмотреться. И думали:

– Удастся ли еще видеть?

И в этом было что-то щемящее сердце.

Ему аплодировали не только горячо, не только восторженно.

– С нежностью.

Как говорят приятные вещи больным.

– Не жильцам на этом свете. С ним словно:

– Прощались.

И в этом торжестве все щемило сердце.

И то, что для чествования выбрали первый попавшийся случай:

– Постановку «Вишневого сада». Надо воспользоваться!

Пока он еще:

– Среди нас.

И присутствие на чествовании Малого театра.

Милые, священные старушки Малого театра пришли поздравить со своим стариком-режиссером Кондратьевым.

Они имели вид немножко растерянный.

Сконфуженный.

Словно в первый раз выступали перед публикой.

Старый Кондратьев имел вид их гувернера.

Малый театр явился чествовать писателя... ни одной пьесы которого он не поставил!

Явился «признавать» писателя на чужую сцену.

Как поздно у нас приходит это самое:

– Признание!

Это чествование было каким-то букетом ярких, красивых цветов, обернутых в тонкий-тонкий, как паутинка, еле за-

метный черный флер. Все было обвеяно грустными мыслями на этом торжестве писателя.

– Первом и последнем в его жизни.

И только А.П. Чехов был весел в этот вечер.

Так все вокруг человека, которого уносит злая чахотка, только делают, стараются делать веселые лица. А он сам весел искренно. И не замечает того, что замечают все кругом. И чувствует себя:

– Хорошо!.. Право же, хорошо. Единственная пощада, которую дает злой враг. Все кругом заботливо кричат:

– Сядьте!., сядьте!..

А он стоял и улыбался.

Словно император в андерсеновском «Соловье»! Он был весел в этот вечер.

В большом, в огромном, – великом? – писателе Антоне Павловиче Чехове проснулся в этот вечер:

– Антоша Чехонте.

И нашептывал ему презабавные вещи.

Влад. И. Немирович-Данченко выступил вперед и начал свою речь:

– Дорогой, многоуважаемый Антон Павлович!..

У Чехова заиграла улыбка на губах, веселым смехом за сверкали, заискрились глаза.

– Чего вы? – спросили его потом.

– А как же! Мне вспомнилось, как только что в акте перед этим Станиславский обращался к шкафу: «Дорогой, много-

уважаемый шкаф!» Точка в точку так же!

Он забавно рассказывал о своем:

– Юбилее, – как окрестил он чествование.

Его будто бы привел в особое смущение один незнакомый оратор.

Это был один очень милый человек, теперь совсем акклиматизировавшийся в Москве.

Непременный член всех литературных торжеств.

Тогда новичок в Москве, только что приехавший из Сибири.

Извиняемся перед ним, но было бы жаль не привести «чеховского рассказа».

– Выходит. Человек неведомый. Рыжий. Лицо красное. «А вдруг, – думаю, – пьяный?» «Посторонняя личность»? Никакого отношения к «юбилею» не имеет? Рукой машет. Говорит страшно: «Я, – говорит, – явился, чтоб вас...» Думаю: как примется он «виновника торжества» волтузить! При всей-то публике! Конечно, отнимут. Но происшествие-то?! Ужасно испугался!

Конечно, все пустяки!

Ничего подобного не было!

Просто в Антоне Павловиче Чехове проснулся Антоша Чехонте.

И принялся сочинять прелестный юмористический рассказ.

Один из тех, какие он любил сочинять.

– О российском разгильдяйстве.

Как будто бы где-то, благодаря российскому разгильдяйству, на «юбилей» пробралась неведомая личность, никому неведомый «выпимший человек».

И как он принялся вдруг, ни с того ни с сего, так, «по пьяному делу», при всей публике «волтузить» «виновника торжества».

Изумление публики, юбиляра, комитета!

И Антоша Чехонте сочинял все это в таких подробностях, что Антон Павлович Чехов с трудом мог удержаться от улыбки на сцене.

И с веселым смехом рассказывал об этом потом.

Хохотал до кашля.

Публика в тот вечер необыкновенно относилась к писателю.

Такого чествования не запомнить.

С любовью, с нежностью, с заботливостью, полною слез, – словно мать к больному ребенку.

А в нем, знаменитом, больном, слабом, ребячливо проснулся:

– Антоша Чехонте. Он был весел на этом:

– Первом и последнем – его чествовании.

«Вишневым садом» на сцене Антон Павлович не остался доволен.

– В чтении он лучше.

И вспоминал страшный вечер в Крыму. Толстой умирал.

– Думали, что он отходит. Я, как доктор, видел, что это уже агония. Все подходили прощаться. Вы понимаете? На моих глазах умирал Толстой! И вдруг я вижу, он делает рукой мне знак, чтобы я подошел. Подхожу, нагиба юсь. А он еле слышно мне с трудом: «А все-таки ваши пьесы не пьесы». А Каков?

Антон Павлович повторял:

– Теперь вот. после «Вишневого», вижу, что Толстой прав. Это – не пьеса.

И категорически утверждал:

– Она успеха иметь не будет. Верьте:

– Чутью автора!

Сегодня «Вишневый сад» идет в 200-й раз.

Я виделся с А.П. Чеховым через день после первого представления «Вишневого сада».

Он зашел в редакцию «Русского слова», чтоб вместе идти завтракать. И рассказывал:

– Свои впечатления «от юбилея».

Я должен был передать ему предложение нашей газеты напечатать «Вишневый сад» в «Русском слове» с гонораром в 3000 рублей за печатный лист.

Но «Вишневый сад» был уже отдан «Знанию», кажется, по 1000 рублей за лист.

– Досадно! Чего вы мне раньше не сказали! 3000 рублей лист! Ведь это 3 рубля строка!

– Антон Павлович! Дорогой! Ведь уж миновали те време-

на, когда вы писали в «Будильнике» и мечтали, – помните? – «Вот сделаюсь знаменит, буду говорить басом и получать пятнадцать копеек за строчку».

– Стойте! Еще! «Женюсь. Сам буду лежать на диване и курить. Жену посылать получать гонорар в те редакции, где я работаю. А тещу – в те редакции, где я не сотрудничаю!»

Антон Павлович вспомнил о нашем милом, добром друге издателя «Будильника».

– Вот «Русское слово» говорит: три рубля за строку. А он приезжает ко мне недавно в Ялту. «Попенял». – «Знаменитым, – говорит, – стали, батька. В „Будильник“ уже ничего написать не хотите. Пишите!» – «Да я, – говорю, – теперь дорого беру». – «А сколько?» – спрашивает. «Четвертак за строчку».

– Что-о?

Антон Павлович Чехов! На зените своей славы!

– Четвертак за строчку. Что ж его пугать? Рубль за строчку! Все равно, он и четвертак не даст.

– А вдруг бы согласился?

– Не знаете вы его? Ни за что не согласится. Не из жадности, а просто: «непорядок».

– Ну, и что ж он?

– По-моему и вышло. Огорчился и отказал. Потом всем на меня жаловался: «Чехов горд стал. Четвертак за строчку хочет. Гонораров таких в „Будильнике“ не бывало».

Трудную школу пришлось пройти веселому Антоше Че-

хонте.

Но какая чарующая деликатность.

Не сказать: «рубель». Зачем «пугать» старого издателя, привыкшего:

– К порядку?

Какое тонкое знание людей.

– И четвертак не даст... Антону Павловичу Чехову! «Непорядок». Через 10 дней после первого представления «Вишневого сада» я имел удовольствие познакомиться с Л.Н. Андреевым.

Он был так добр, зашел ко мне с предложением подписать:

– Обращение к Марксу.

Издатель «Нивы» когда-то купил «на вечные времена» сочинения Чехова за 75 000 рублей. По тем временам:

– Цифра сказочная. Возбуждавшая изумление, зависть. В 1904 году цифра:

– Обидная.

Чехов так вырос за это время.

Маркс несколько раз уже вернул свои затраты, и явилась мысль адресовать Марксу:

– Обращение писателей с просьбой «освободить» сочинения Чехова. Мысль об «освобождении» улыбалась Антону Павловичу.

Его тяготила не только материальная сторона дела.

Его особенно тяготило обязательство, – хотя и за отдельный гонорар, всего 500 рублей с листа, – все новое выпускать

отдельным изданием у Маркса.

Он чувствовал себя в какой-то:

– Крепостной зависимости. Художника гнело это:

– Обязан.

– Словно я его собственность. Вещь. Литераторы организовали обращение к Марксу. Леонид Андреев собирал в Москве подписи. Так радостно говорили:

– Об освобождении Чехова.

С таким удовольствием рассчитывали, как нахлынут издатели.

– Как теперь устроился Чехов. Но мы «считали без судьбы».

В горнице было светло и весело, а около ходила смерть и заглядывала в окна.

Скоро «обращение писателей» стало не нужно.

– Первое и последнее в его жизни – чествование Чехова было прощанием с ним.

Последним целованием.

Чехов, который терпеть не мог, чтоб его называли:

– Пессимистом.

Чехов, возмущавшийся, что его:

– Все зовут представителем да представителем российско-го пессимизма! Протестовавший:

– Какой я «представитель». Когда никто не написал смешных рассказов, сколько я!

Чехов был весел в тот вечер.

В знаменитом больном, слабом Антоне Павловиче Чехове проснулся молодой, веселый:

– Антоша Чехонте.

И нашептывал ему смешные и веселые вещи в день:

– Первого и последнего чествования. 17 января 1904 года, в день его именин.

17 января, на св. Антония Великого, Антон Павлович Чехов был именинник.

Об этом не знала публика.

Об этом знали друзья – Художественный театр.

Чарующая и милая подробность – назначить первое представление и устроить чествование:

– В день его именин.

Впервые опубликовано: «Русское слово». 1914. 17 января.